

Михаил Суслов

«Святая Русь»: геополитическое воображение в современной Русской Православной церкви*

В академической литературе утвердилось представление о том, что в современную эпоху «конца истории» географическое воображение является более важным источником коллективной самоидентификации, чем исторические представления¹. Это наблюдение особенно точно характеризует пространственную «чувствительность» постсоветской России, обостренную распадом Советского Союза². Как остроумно замечал Джеффри Хоскинг, в отличие от западных держав, Россия не имела империи, она *была* империей, поэтому потеря империи воспринимается как потеря самой себя³.

Политическая элита работает над интеграционными геополитическими проектами, способными преодолеть «травму» распада империи, каковы, например, план Евразийского союза и «Русский мир». Стараясь овладеть геополитическим воображением современников, Русская православная церковь Московского патриархата (далее РПЦ) активно участвует в обсуждении этих проектов. Она имеет тот козырь, что в отличие от государства, церковь пережила распад СССР без территориальных потерь, хотя ее нынешние лидеры склонны соглашаться со словами Путина о «геополитической катастрофе»⁴. Теперь РПЦ активно позиционирует себя как единственную интеграционную силу на пространстве бывшего Советского Союза⁵, и эта сила не намерена просто присоединиться к чужим политическим разработкам. РПЦ в лице ее лидера Патриарха Кирилла разрабатывает собственную геополитическую модель, проект «святой Руси».

* Статья ранее публиковалась в журнале *Политическая наука* (2013. № 2. С. 142-164).

¹ Johnston R.J. One World, Millions of Places: The End of History and the Ascendancy of Geography // *Political Geography*. 1994. Vol. 13. № 2. P. 111-121.

² Hooson D. Ex-Soviet Identities and the Return of Geography // *Geography and National Identity* / Ed. D. Hooson. Cambridge, Mass., 1994. P. 134-141; Clowes E. *Russia on the Edge: Imagined Geographies and Post-Soviet Identity*. Ithaca, 2011. P. xi.

³ Цит. по: Szporluk R. The Fall of the Tsarist Empire and the USSR: The Russian Question and the Imperial Overextension // *The End of Empire? The Transformation of the USSR in Comparative Perspective* / Ed. K. Dawisha, V. Parrott. Armonk, 1997. P. 70.

⁴ Кирилл (Гундяев), патриарх (в дальнейшем Кирилл). Быть верным Богу. Книга бесед со Святейшим Патриархом Кириллом. М., 2010. С. 279-280; Иларион (Алфеев), митрополит. Патриарх Кирилл: Жизнь и мирозерцание. М., 2010. С. 90.

⁵ Кирилл, Интервью журналу «Внутри Ватикана». 19 апреля 2006 // <http://www.patriarchia.ru/db/text/106489.html>; Кирилл (Гундяев). Быть верным Богу. С. 281. Все Интернет-ссылки последний раз проверены 10 февраля 2014.

Исследование «святой Руси» как проекта и геополитической метафоры в РПЦ важно, во-первых, для понимания процессов в современном идеологическом поле, потому что это точка концептуального роста, место, откуда «приходит новое» в идеологию. Во-вторых, учитывая увеличивающееся присутствие РПЦ в политической жизни России, можно ожидать, что концепция «святой Руси» будет политически инструментализироваться наравне с «Русским миром» и евразийством. Наконец, подлинная значимость «святой Руси» заключается в способности этого проекта влиять на массовое геополитическое воображение и как следствие на процессы выработки коллективной идентичности.

Теоретической основой интерпретации «святой Руси» как способа трансформации пространства и контроля над ним со стороны РПЦ являются работы Анри Лефевра и его последователей⁶. Подобные исследования подчеркивают, что религия не только расположена в пространстве, но она его активно преобразует. Поддерживая проект радикальной переделки общества на христианских основах, РПЦ не может не осмысливать возможности радикальной трансформации самого пространства. Подобная трансформация возможна через концептуализацию пространства в идеологических построениях и через овладение пространством в повседневных практиках и в воображении.

«Святая Русь»: ядро культурной идентичности

Ссылки на «святую Русь» присутствовали и в выступлениях патриарха Алексия II⁷, но именно Кирилл, сделавший акцент на этой идее в интронизационной речи⁸, поставил ее в центр своей геополитической программы. Сам факт выбора именно этого понятия характерен; впервые оно появляется в посланиях князя Курбского царю Ивану Грозному в 1570-х гг., в которых оно приобретает явные оппозиционные, анти-государственные черты: в устах Курбского царь Грозный противопоставлен «святой Руси», так как его деяния позорят «святую русскую землю»⁹. В интерпретации славянофилов «святая Русь» выступала как метафора «небесной России», связанная с присутствием на земле святых объектов – монастырей, церквей, реликвий; так, Иван Киреевский специально подчеркивал не-

⁶ Lefebvre H. *The Production of Space*. Oxford, 1991. Ср., напр. Knott K. *Spatial Theory and Method for the Study of Religion* // *Temenos*. 2005. Vol. 41. № 2. P. 153-184.

⁷ Например: Алексий II (Ридигер), патриарх. Приветствие участникам II ассамблеи Русского мира // *Церковный вестник*. 2008. Т. 394. № 21; Алексий II. Ежегодное епархиальное собрание города Москвы // *Журнал Московской Патриархии* (далее ЖМП). 2008. № 2.

⁸ Кирилл. *Проповеди*. 2009-2010. Сергиев Посад, 2010. С. 4.

⁹ Курбский А. *Сказания князя Курбского*. СПб., 1868. С. 203. См.: Cherniavsky M. «Holy Russia»: A Study in the History of an Idea // *American Historical Review*. 1958. Vol. 63. № 3. P. 621; idem. *Tsar and People: Studies in Russian Myths*. New Haven, L., 1961. P. 159-228; Duncan P.J.S. *Russian Messianism: Third Rome, Revolution, Communism and After*. L., N.Y., 2000. P. 14-15.

сводимость «святой Руси» к государственно-церковным отношениям¹⁰. «Святая Русь» была для славянофилов идеалом или метафорой, без четкой привязки к геополитическому образованию «Российская Империя».

В современной риторике «независимости» РПЦ от государства, которую активно продвигает Кирилл и его сподвижники¹¹, «святая Русь» становится удобным инструментом пропаганды, создающим видимость дистанцирования от государства. Но на самом деле, в противоположность славянофильству, «святая Русь» в понимании патриарха имеет явные геополитические и государственнические проекции. Основой такой интерпретации послужили работы церковного историка А.В. Карташева, для которого «святая Русь» это «качественное самоопределение Руси-России»¹². «Святая Русь», таким образом, это не название «небесной России», не синоним общественного идеала и не проект преобразования будущего, а, по словам диакона Георгия Малкова, «духовная основа национального самоопределения»¹³, название неизменного «культурного и духовного ядра» русского народа, фундамента его идентичности. Речь идет прежде всего о системе ценностей, сложенных вокруг «стремления к святости»¹⁴.

Кирилл утверждает, что «святая Русь» – это «не умозрительное понятие и не просто часть нашей истории. Это и наша современность»¹⁵. Действительно, в понимании Кирилла, «святая Русь» имеет вполне определенное пространственное измерение. «Святая Русь» располагается на «канонической территории» РПЦ, под которой понимается территория исключительной юрисдикции Московского патриархата. Исторически включающая в себя пространство бывшего Советского Союза, Японию и Китай, «каноническая территория» РПЦ в последние два десятилетия стала предметом дискуссий среди церковных интеллектуалов, которые ссылаются на апостольские правила и слова апостола Павла, закрепляющие территорию епархии за определенным епископом¹⁶, с тем, чтобы препятствовать «прозелитизму» других христианских конфессий на постсоветском пространстве¹⁷. В исследовательской литературе отмечается противоречивость интерпретаций «канонической территории» в современной РПЦ. С одной стороны, «каноническая территория» обладает транснациональным охватом, включая неславян-

¹⁰ Киреевский И. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению в России // он же. Полное собрание сочинений. М., 1861. С. 263.

¹¹ Напр.: Кирилл, Миссия в миру. 17 июня 2009 // <http://www.patriarchia.ru/db/text/675523.html>.

¹² Карташев А. Судьбы «Святой Руси» // Православная мысль. № 1, 1928. С. 134-155.

¹³ Малков Г. Контрреволюция духа. Церковно-политические очерки. М., 2006. С. 59.

¹⁴ Кирилл. Интервью для программы «Национальный интерес». 25 ноября 2009 // <http://www.patriarchia.ru/db/text/949960.html>; он же. Слова. Проповеди. Выступления. Киев, 2009. С. 63; он же. Проповеди. С. 12, 52, 520.

¹⁵ Кирилл. Доклад на Архиерейском Собрании, 2 февраля 2010 // Церковь и время. 2010. № 50. <http://www.mospat.ru/church-and-time/196>.

¹⁶ «Я старался благовествовать не там, где [уже] было известно имя Христово, дабы не созидать на чужом основании» (Рим. 15:20).

¹⁷ Иларион. Принцип «канонической территории» в православной традиции, 2005 // <http://www.hilarion.ru/2010/02/25/1048>; Кирилл, Приветствие митрополита Кирилла. 1 декабря 2007 // <http://www.mospat.ru/archive/38874.htm>.

ские страны и этносы; с другой стороны, наблюдается тенденция «детерриториализации» и национализации «канонической территории», которая связывается с русскоязычной диаспорой в странах Западной Европы и Америки¹⁸. РПЦ, с ее мощной структурой приходов в «дальнем зарубежье» и монопольным влиянием на своей «канонической территории» в «ближнем зарубежье», считается ключевым партнером в планах прокремлевской политизации «Русского мира»¹⁹. По мнению Кирилла, «Русский мир» географически состоит из «ядра» («станового хребта») – «святой Руси», и диаспоры, которые объединены тремя факторами: православной верой, русским языком и общей исторической памятью²⁰.

Но не всякая страна на «канонической территории» РПЦ – это «святая Русь». В своих выступлениях Кирилл цитирует схиархимандрита Лаврентия Черниговского (Л.Е. Проскура, 1868-1950), который утверждал: «Россия, Украина, Беларусь – это и есть святая Русь!»²¹. В этом списке часто оказывается Молдова и/или сапопровозглашенная Приднестровская республика, Казахстан и Киргизия²². Основанием для подобного включения считаются исторические аргументы, а именно принадлежность или «приобщенность» той или иной территории к народу «исторической Руси». «Святая Русь» присутствует в современной жизни прежде всего как воспоминание о прошлом. Поэтому Кирилл говорит о «воскрешении» «святой Руси», о том, что Россия должна «вновь ею стать»²³. В текстах Кирилла присутствует два исторических эпизода, связанных с появлением «святой Руси»: это проповедь святых Кирилла и Мефодия в славянских землях (860-е гг.), которая «заложила систему ценностей... нашего многонационального народа»²⁴, а главное – крещение Руси князем Владимиром в 988 г. Именно последний эпизод чаще всего связывается с заключением Русью «завета», «договора» с богом, который и сделал Русь «святой», дав ей особую, исключительную миссию среди других народов²⁵. Богоизбранность Руси выражается в том, что она находится под особым покровительством высших сил как «земной удел Царицы Небес-

¹⁸ Payne D. Nationalism and the Local Church: The Source of Ecclesiastical Conflict in the Orthodox Commonwealth // Nationalities Papers. 2007. Vol. 35. № 5. P. 841; Agadjanian A., Rousselet K. Globalization and Identity Discourse in Russian Orthodoxy // Eastern Orthodoxy in a Global Age: Tradition Faces the Twenty-first Century / Ed. V. Roudometof, A. Agadjanian, J. Pankhurst. Walnut Creek, 2005. P. 40-41.

¹⁹ Лавров С. МИД и Церковь объединяет общее понимание ключевой роли межконфессионального, межцивилизационного диалога. 24 января 2011 // <http://www.patriarchia.ru/db/text/1392600.html>. Ср.: Bodin P.-A. Legitimacy and Symphony: On the Relationship between State and Church in Post-Soviet Russia // Power and Legitimacy – Challenges from Russia / Ed. P.-A. Bodin, S. Hedlung, E. Namli. L., N.Y., 2013. P. 229.

²⁰ Кирилл. Русский мир: пути укрепления и развития // Церковь и время. 2009. Т. 49. № 4 (<http://www.mospat.ru/church-and-time/4/>); Кирилл, Выступление на открытии III ассамблеи Русского Мира // ЖМП. 2009. № 12; Кирилл. Интервью Святейшего Патриарха Кирилла программе «Воскресное время». 31 января 2010 // <http://www.patriarchia.ru/db/text/1058792.html>.

²¹ Иларион. Патриарх. С. 116.

²² Кирилл. Проповеди. С. 308.

²³ Он же. Быть верным Богу. С. 77-78, 171.

²⁴ Кирилл. Проповеди. С. 52.

²⁵ Там же. С. 104-105.

ной»²⁶. Такая интерпретация «святой Руси» показывает смещение акцентов с «мессианства миссии» на «мессианство завета» в воображении современной РПЦ. Идеолог «мессианства миссии» обращается вовне, ко всему человечеству; он задается вопросом, как донести до людей свое «новое слово», облагодетельствовать вселенную. Идеолог «мессианства завета» интровертен, он говорит со «своим» народом и ставит вопрос, как «нам» лучше соблюдать условия завета, чтобы оставаться «избранными». «Мессианство миссии» инклюзивно и универсалистично, «мессианство завета» эксклюзивно, партикуляристично и сосредоточено на отделении «своих» от «чужих»²⁷. С геополитической точки зрения смена мессианских представлений свидетельствует о сильном желании отказаться от экспансионистских программ и сконцентрироваться на саморазвитии, возможно, в рамках какого-либо изоляционистского проекта. Скажем, идеи «Москва как третий Рим» и всемирной пролетарской революции относились к «мессианству миссии», а политические предложения Солженицына или концепция «Остров Россия» В. Цымбурского – к «мессианству завета». Идеал «святой Руси» допускает двойственную интерпретацию, так как он сплетен из двух компонентов: «народ-богоносец» и «богоизбранный народ». В традиционном понимании акцент делался на первый элемент, причем именно миссия России как «богоносицы» делала ее «богоизбранной». После опыта строительства социализма и распада советской империи «провал миссии» кажется очевидным (хотя для многих – не окончательным), поэтому акцент смещается на «богоизбранность» народа.

Интерпретация «святой Руси» как «ядра идентичности» народов «исторической России» имеет большое концептуальное значение, так как она придает геополитическому воображению Кирилла пространственную определенность и историческую глубину. Обращение к «мессианству завета» открывает много новых путей идеологического развития, в том числе и в сторону принятия элементов теории «общественного договора»²⁸, и антиколониальной критики.

«Святая Русь» как цивилизация

Благодаря тому, что «святая Русь» основана на «мессианстве завета», она содержит в себе антиколониальный, освобождающий потенциал, поддерживая ощущение самодостаточности, автономности, аутентичности национальной культуры. Религиозное мессианство развивающихся стран, восстанавливающее чувство достоинства и собственной значимости в мире, явление достаточно распростра-

²⁶ Там же. С. 59, 180, 221.

²⁷ Smith A. *Chosen Peoples: Sacred Sources of National Identity*. Oxford, 2008. P. 49.

²⁸ Напр.: Elazar D. Introduction. From Biblical Covenant to Modern Federalism: The Federal Theology Bridge // *The Covenant Connection: From Federal Theology to Modern Federalism* / Ed. D. Elazar, J. Kincaid. Lanham, 2000. P. 1-14.

ненно²⁹. Аналогичным образом «святая Русь» и сопутствующий ей образ «русского Бога»³⁰ стоят во главе антизападной «армии метафор», которая была мобилизована еще славянофилами, предложившими один из ранних вариантов антиколониальной критики³¹. Советская антиимпериалистическая пропаганда является другой важной генеалогической ветвью современной церковной идеологии. Так, в 1966 г. *Журнал Московской Патриархии*, единственный разрешенный журнал православной церкви, писал, что колониальное господство нарушает христианские заповеди, поэтому миссионерская активность западных церквей не должна разрушать местную культуру³².

В наши дни патриарх Кирилл неоднократно обращался к критике «порабощения» России западными идеями и «моделями поведения», кроме того, в его выступлениях постоянно присутствуют темы «духовной колонизации»³³ и «духовной безопасности»³⁴. Заочно полемизируя с противниками репрессивного «Закона о религии» 1997 г., он сравнивает миссионерскую деятельность западных церквей на «канонической территории Московского патриархата» с проявлением «колониальной идеологии» и «колонизаторских привычек»³⁵. Часто в речах патриарха встречается ссылка на понятие «суверенитета» как на высокую политическую ценность, спасающую как от колонизации, так и от конфликтов между «цивилизациями»³⁶. В программных выступлениях XVI Всемирного русского народного собора, председателем которого является патриарх РПЦ, в октябре 2012 г. фигурирует понятие «гуманитарного суверенитета», под которым имеется в виду «совокупность культурных, религиозных, мировоззренческих и социально-психологических факторов, позволяющих народу и государству утверждать свою идентичность, избегать социально-психологической и культурной зависимости...»³⁷. Очевидным источником вдохновения для подобного теоретизирования

²⁹ Murvar V. Messianism in Russia: Religious and Revolutionary // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1971. Vol. 10. № 4. P. 286-293; Lanternari V. *The Religion of the Oppressed: A Study of Modern Messianic Cults*. L., 1963.

³⁰ Cherniavsky. *Tsar and People*. P. 177.

³¹ Etkind A. *Internal Colonization. Russia's Imperial Experience*. Cambridge, 2011. P. 17.

³² Соколовский П. Ответственность за мир в африканском богословском мышлении // *ЖМП*. 1966. № 3. С. 33-37.

³³ Кирилл. Быть верным Богу. С. 66, 405; Кирилл. Вызовы современной цивилизации. Как отвечает на них Православная Церковь? М., 2002. С. 31.

³⁴ Ср. с популярной риторикой «духовной безопасности»: Иоанн (Попов), архиеп., Возьмитель А.А., Хвыля-Олинтер А.И. *Духовная безопасность России (актуальные теоретико-методологические и практические проблемы духовной безопасности)*. Научно-методическое пособие. М., 2005. См. об этом: Payne D. *Spiritual Security, the Russian Orthodox Church, and the Russian Foreign Ministry: Collaboration or Cooptation?* // *Journal of Church and State*. 2010. Vol. 52. № 4. P. 712-727; Anderson J. *Putin and the Russian Orthodox Church: Asymmetric Symphonia* // *Journal of International Affairs*. 2007. Vol. 61. № 1. P. 194-195.

³⁵ Кирилл. *Благовестие и культура. Доклад на Всемирной миссионерской конференции* // *Церковь и время*. 1998. Т. 4. № 1. С. 33.

³⁶ Кирилл. *Проповеди*. С. 182; Иларион. *Патриарх*. С. 216.

³⁷ *Соборное слово XVI Всемирного русского народного собора*. 3 октября 2012 // <http://www.patriarchia.ru/db/text/2505633.html>.

стала доктрина «суверенной демократии», продвигаемая политической элитой России.

Концепция «гуманитарного суверенитета» основана на «культуре аутентичности», этику которой исследовал Чарльз Тейлор³⁸. В частности, речь идет о культе оригинальности, о неприменимости общих норм для оценки собственной уникальности, о понимании свободы как саморазвития, не сдерживаемого внешними силами. В том варианте, который проповедуется современной РПЦ, «культура аутентичности» поддерживается «цивилизационным подходом» в историософии. Популярный в современной российской гуманитарной науке цивилизационный подход нашел питательную почву в церковных кругах, поскольку он позволяет отвергнуть универсальность западных учений о секулярном гуманизме, правах человека и либеральной демократии³⁹ и утвердить идею о несопоставимости цивилизации «святой Руси» и «западной цивилизации». Не отказываясь от «межцивилизационного» диалога, Кирилл подчеркивает, что это не должен быть диалог «всадника с лошадей», он не должен вести к навязыванию чужих мнений и стандартов, насильственному насаждению чужой культуры⁴⁰. В частности, как следует из основных документов РПЦ, в отличие от Запада, в иерархии ценностей «святой Руси» права человека «не могут быть выше ценностей духовного мира»⁴¹.

Подобное интеллектуальное построение сближает позицию Кирилла с целым семейством национализмов: антиколониальный национализм, «культурный национализм», «цивилизационный национализм»⁴². При этом надо подчеркнуть негативное отношение к этническому национализму в выступлениях высших церковных иерархов, стремящихся денационализировать «святую Русь». По мнению Кирилла, «святая Русь» не основана на этничности, так как она включает в себя неславянские народы Казахстана и Молдовы. Он также аккурантно избегает употребления слова «Россия» как синонима «святой Руси», акцентируя внимание на том, что «Россия» – это только часть «Руси». Он охотно переносит географическое обозначение в своем титуле «Патриарх Московский и всея Руси» на свои геополитические построения, специально отмечая, что в прошлые века титул звучал еще более «космополитически»: «Патриарх Московский и всех северных

³⁸ Taylor Ch. *The Ethics of Authenticity*. Cambridge, 1992.

³⁹ Верховский А. Церковный проект российской идентичности // *Современные интерпретации русского национализма* / Под ред. М. Ларуэль. Stuttgart, 2007. С. 171-188.

⁴⁰ Иларион. Патриарх. С. 238; Кирилл. Быть верным Богу. С. 95; Кирилл. Патриарх и молодежь: Разговор без дипломатии. М., 2009. С. 146-147; Agadjanian A. *Breakthrough to Modernity, Apologia for Traditionalism: The Russian Orthodox View of Society and Culture in Comparative Perspective* // *Religion, State and Society*. 2003. Vol. 31. № 4. P. 336-338.

⁴¹ Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека», 26 июня 2008, III.2 // <http://www.patriarchia.ru/db/text/428616.html>.

⁴² Верховский А., Паин Э. *Цивилизационный национализм: Российская версия «особого пути»* // *Идеология «особого пути» в России и Германии: Истоки, содержание, последствия* / Под ред. Э. Паина. М., 2010. С. 171-210; Верховский. *Идеология патриарха Кирилла, методы ее продвижения и ее возможное влияние на самосознание Русской православной церкви* // *Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры*. 2012. № 1. С. 90-93.

стран». Он часто противопоставляет национализм как «языческое» поклонение своему народу «просвященному патриотизму»; игра со словами «просвещенный» / «просвященный» выделяет тот факт, что в понимании патриарха патриотизм должен быть освящен церковным авторитетом и следовать христианским ценностям, а не политической выгоде и ненависти к другим народам⁴³.

На практике «просвященный» патриотизм «святой Руси» должен способствовать «новому типу интеграции» на постсоветском пространстве. Глава РПЦ утверждает, что «Русский мир» может быть организован на принципиально новых основах, которые в будущем будут копировать другие страны подобно тому, как теперь все копируют опыт европейской интеграции⁴⁴. Кирилл и его сподвижники полагают, что подобный вариант интеграции существовал в средневековой и отчасти в имперской и советской России, которой удавалось избегать религиозных конфронтаций несмотря на уникально многонациональный характер⁴⁵. Речь идет, прежде всего, о равенстве всех членов нового объединения, соблюдение существующих политических границ и национальных суверенитетов⁴⁶, а главное – воплощение идеала «святой Руси», т.е. христианских заповедей – в политической жизни народа, что практически означает главенство морали и готовность к жертвенному служению ближнему. Раскрывая свои мысли подробнее, Кирилл отмечал, что прочность царской России обуславливалась «позитивной дискриминацией» имперского центра – русского народа, который давал другим, периферийным народам больше, чем брал, поддерживая тем самым здание православной империи⁴⁷. Напротив, как только дух национального эгоизма и морального разложения овладевал русскими, империя рушилась, как это случилось в 1917 и в 1991 гг.⁴⁸

Денационализация «святой Руси» и ее антиколониальные оттенки⁴⁹ сближают идеологию Кирилла с евразийством, несмотря на часто встречающийся скептицизм в РПЦ в отношении этого движения⁵⁰. На самом деле, евразийская терминология и концептуальная структура достаточно глубоко проникла в церковные дискурсы и часто присутствует в них как своего рода аксиоматические утверждения, не подверженные рефлексии. Так, Кирилл, отстаивая кандидатуру князя Александра Невского в телепроекте *Имя России*, утверждал, что он «положил на-

⁴³ Кирилл. Быть верным Богу. С. 75; Основы социальной концепции Русской православной церкви (2000), II.1, II.2, III.3; Кирилл. Интервью. 24 июля 2009 // <http://www.patriarchia.ru/db/text/702155.html>; Кирилл. Актуальные вопросы церковной жизни // ЖМП. 2011. № 2. С. 29.

⁴⁴ Кирилл. Семья народов // ЖМП. 2010. № 12. С. 34-35; Кирилл. Проповеди. С. 4.

⁴⁵ Кирилл. Быть верным Богу. С. 145; Кирилл. Вызовы. С. 14.

⁴⁶ Иларион. Патриарх. С. 221; Кирилл. Интервью Святейшего Патриарха Кирилла для ежегодника «Предстоятель». 10 февраля 2010 // <http://www.patriarchia.ru/db/text/1065213.html>.

⁴⁷ Кирилл. Проповеди. С. 231; Кирилл. «Слово пастыря». Телепрограмма. 5 ноября 2011, ОРТ («Общественное Российское Телевидение»).

⁴⁸ Кирилл. Быть верным Богу. С. 281; Кирилл, Задача человека: нести мир Христов в сознание каждого // ЖМП. 2010. № 9. С. 33-34; Иларион. Патриарх. С. 391-392.

⁴⁹ Ср.: Глебов С. Границы империи и границы модерна. Антиколониальная риторика и теория культурных типов в евразийстве // *Ab imperio*. 2003. № 2. С. 267-291.

⁵⁰ См., например: Кураев А. Церковь в мире людей. М., 2009. С. 141-142.

чало евразийскому проекту». Евразийство в этом контексте становится синонимом цивилизационного проекта, основанного на многонациональности и много-религиозности⁵¹. По словам митрополита Илариона, Кирилл был лично знаком с Львом Гумилевым и много почерпнул из его идей и лексикона⁵², включая часто упоминаемое понятие «пассионарности»⁵³. Кроме того, евразийство находит поддержку в лице патриарха как идеология интеграции на постсоветском пространстве⁵⁴, и само постсоветское пространство чаще всего осмысляется как «Евразия»⁵⁵.

Контекстуализация «святой Руси» как отдельной цивилизации, будь то евразийской, или православной, или восточнославянской, при всех возможных вариантах и отклонениях в церковной мысли, подразумевает единство логического основания. Согласно этой логике, «святая Русь» предстает как пространственно ограниченное и хронологически конечное образование, одно среди нескольких других подобных автономных «цивилизаций». Однако концепция «святой Руси» допускает и противоположное толкование, связанное с расширительным пониманием «завета» как культурного фундамента народа.

«Святая Русь» как опора «Интертрадиционала»

Обращаясь к прошлому «святой Руси», церковные идеологи находят в нем не только источник культурной аутентичности, но и точки соприкосновения с другими культурами. Напомним, что само геополитическое представление о «святой Руси» возникло из интерпретации прошлого, крещения Киевской Руси X в. как основополагающего факта истории нескольких братских народов. Но православные интеллектуалы идут дальше, интерпретируя прошлое единство всей христианской «цивилизации» как факт нашего настоящего. Для обоснования этой идеи, Кирилл разрабатывает концепцию «базовой культуры», т.е. системы фундаментальных ценностей для данной общности. На «базовой культуре» с течением времени вырастают различные субкультуры, которые могут быть несовместимы или даже враждебны друг другу. Поэтому подлинное единство народов возможно тогда, когда люди готовы отрешиться от своих «субкультур» и вернуться к «базо-

⁵¹ Иларион. Патриарх. С. 231.

⁵² Там же. С. 392.

⁵³ Например: Кирилл. Быть верным Богу. С. 201.

⁵⁴ Встреча Патриарха Кирилла с генеральным секретарем Евразийского экономического сообщества Таиром Мансуровым [видео]. 15 апреля 2010 // <http://www.patriarchia.ru/db/text/1138660.html>

⁵⁵ Например: Кирилл. Слово Святейшего Патриарха Кирилла на торжественном акте во Дворце Республики в Минске. 26 сентября 2009 // <http://www.patriarchia.ru/db/text/750891.html>; Кирилл. Слово Святейшего Патриарха Кирилла на встрече с руководителями регионов Северо-Кавказского федерального округа. 15 декабря 2012 // <http://www.patriarchia.ru/db/text/2652797.html>.

вой культуре», под которой имеется в виду, прежде всего, основные морально-религиозные постулаты. Возврат к «базовой культуре» позволяет смягчить противоречия между народами, принадлежащими к разным «цивилизациям», поскольку в своих основных чертах «базовая культура» всех традиционных религий одна и та же. Напротив, отказ от «базовой культуры», который в наиболее радикальной форме существует как процесс секуляризации, ведет к росту напряженности и конфликтности между народами⁵⁶. Однако в эпоху глобализации «базовая культура» существует не в географическом пространстве как территориально изолированная общность, а в сознании людей как некий фильтр, отделяющий второстепенное от основного. Под «основным», разумеется, понимается религиозная традиция, поэтому «базовая культура» устанавливает границы не между Россией и Западом, а внутри России и Запада, отделяющие секуляризованное общество от религиозного. Так, Кирилл интерпретировал террористическую атаку 11 сентября 2001 г. не как конфликт христианства и ислама, а как эпизод в борьбе либеральной секулярной цивилизации с религиозной традицией⁵⁷.

Кирилл и митрополит Иларион отмечают, что до Великого раскола 1054 г. вся Европа была «православной»; православие – это ее культурный фундамент, ядро ее идентичности. Следовательно, православные страны – не просто не чужие в Европе, а составляют ее основополагающий элемент, несущий ответственность за судьбы всего Запада⁵⁸. Таким образом, «святая Русь» смещается с периферии «западной цивилизации» в ее центр, становится ее настоящим «третьим Римом»⁵⁹. При таких обстоятельствах, «мессианство миссии» снова появляется на интеллектуальном горизонте РПЦ, чтобы обосновать роль России как спасителя Запада, удерживающего все человечество от деградации и падения в лапы к Антихристу⁶⁰. Так, Кирилл утверждает: «Россия – это то место, которое может дать новую жизнь Вселенной»⁶¹.

Таким образом, концепция «базовой культуры» парадоксальным образом предлагает программу интеграции «святой Руси» с «западной цивилизацией» и, возможно, с миром ислама. Теоретическое осмысление «базовой культуры» не укрепляет границы между религиозными сообществами, а дестабилизирует их. Визит патриарха РПЦ в Польшу в августе 2012 г., который часто называют самым значительным событием в жизни церкви в том году, показывает силу интеграционных тенденций в церковной идеологии. Говоря о необходимости примирения

⁵⁶ Кирилл. Патриарх и молодежь. С. 85; он же. Быть верным Богу. С. 164-165.

⁵⁷ Кирилл. Вызовы. С. 13-14.

⁵⁸ Иларион. Ценности Святой Руси и их место в Европе. 4 ноября 2009 // <http://hilarion.ru/2010/02/25/1058>; ср.: Чаплин В. Пять постулатов православной цивилизации // Политический класс. 2007. Т. 26. № 2. С. 16-17; Иларион. Церковь открыта для каждого. Выступления и интервью митрополита Илариона (Алфеева). Минск, 2011. С. 21, 36.

⁵⁹ Иларион. Патриарх. С. 129, 481; он же. Беседы. С. 300-303; он же. Церковь. С. 20, 26, 36.

⁶⁰ Кирилл. Быть верным Богу. С. 187; Кирилл. Патриарх и молодежь. С. 47, 106; Определение Архиерейского собора // ЖМП. 2011. № 3. С. 72; Иларион. Патриарх. С. 482.

⁶¹ Кирилл. Быть верным Богу. С. 41; Иларион. Патриарх. С. 390; «Неизвестный» Патриарх Кирилл / Под ред. А. Добросоцких. М., 2009. С. 121-126.

двух стран, Кирилл отмечает, что теперь эти народы, стоящие перед одинаковыми вызовами христианскому миру, занимают одинаковую идеологическую и нравственную позицию и отстаивают одинаковые христианские ценности⁶². В духе западноевропейских «новых правых»⁶³ Кирилл набросал контуры «Интертрадиционала», союза всех традиционных (религиозных) культур. Таким образом, в отличие от православной правой, идеология Кирилла подвергает сомнению привычную, «славянофильскую» оппозицию «мы-они». Как и путинское государство, РПЦ не может выдержать систематического изоляционизма, поэтому «Интертрадиционал» становится попыткой интегрировать Запад в церковную картину мира, хотя и на правах второстепенного, «младшего» брата.

В расширительном смысле можно говорить и о национализме «Интертрадиционала», который объединяет несколько «цивилизаций» в борьбе с универсальным «Другим» – секуляризованным миром современности. Однако, на наш взгляд, православный «Интертрадиционал» это не просто количественное растягивание цивилизационного национализма, а качественный скачок в идеологии и (гео)политическом воображении. «Интертрадиционал» подразумевает принципиально иной «хронотоп», иное восприятие времени и пространства. Концепция автономных цивилизаций содержит элемент исторического пессимизма, наиболее выпукло проявившегося в учении Л. Гумилева: цивилизации рождаются, созревают и умирают совсем как живые организмы или растения. Напротив, концепция религиозного «Интертрадиционала» предполагает хронологическую бесконечность в виде неостановимого материального прогресса при постоянном возврате к своему «фундаменту». Но нас будет больше интересовать пространственное воображение: в отличие от изоляционизма цивилизационного подхода, православный «Интертрадиционал» инклюзивен и децентрализован. На этом этапе православная мысль возвращается к «святой Руси» как «мессианству миссии», но пытается очистить его от имперских и этатистских наслоений, и гегемонистических устремлений. Посмотрим, как это делается.

Картография «святой Руси»

Геополитическая конструкция «святой Руси» была теоретически отлажена в ходе визита патриарха РПЦ на Украину летом 2009 г. Традиционно пастырские посещения и паломничества играют большую роль в символическом освоении са-крального пространства и сохранении его единства⁶⁴. В исследовательской лите-

⁶² Кирилл. У христиан нет времени на раздумья и промедление // ЖМП. 2012. № 9. С. 25-26.

⁶³ Ср.: Соколов М. Новые правые интеллектуалы в России: Стратегии легитимации // Ab Imperio. 2006. № 3. С. 321-354.

⁶⁴ Успенский Б. Царь и патриарх. Харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998. С. 373-375; Gvosdev N. Keeping the Faith: The Orthodox Church and Reintegration in Contemporary Eurasia // Ab Imperio. 2000. № 2.

ратуре отмечается такая особенность пространства религии как связь между центральностью и сакральностью⁶⁵. Внутренняя логика организации имперского пространства такова, что его геополитическое воображение всегда центростремительно. Поэтому все современные геополитические концепции в России направлены на то, чтобы подобрать такой контекст, в котором даже после крушения Советского Союза Россия по-прежнему занимала бы центральное положение, будь то в Евразии, в Славянском союзе, или в «православной цивилизации».

С воображением «святой Руси», однако, все не так просто, поскольку здесь надо учитывать динамику освоения сакрального пространства через паломничество к святыне. Как отмечал Умберто Эко, «чем ближе сокровища к людям, тем равнодушнее люди к ним»⁶⁶, или, как теоретизировал Ю. Лотман, семиотическое путешествие состоит из трех частей: простой географический переход «отсюда» «туда» накладывается на движение между бинарными оппозициями «дом» – «чужая страна» и «профанное место» – «сакральное место»⁶⁷. Таким образом, вектор пастырского визита Кирилла на Украину был направлен из «профанной» России на «святую землю» Украины. Подобная репрезентация пространства «святой Руси» разрушает традиционную имперскую дихотомию центра – периферии и открывает новые горизонты пространственного воображения. Еще одно измерение путешествия Кирилла – это движение из Москвы, места, воплощающего в себе динамику настоящего момента, в место исторического прошлого «святой Руси».

Путешествие Кирилла повторяет модель паломничества как подвига аскетизма и самопожертвования. Так, он описывает визит своего предшественника Алексия II, отмечая, что тот был смертельно болен и потому прервал поездку за несколько месяцев до смерти. И путешествие самого Кирилла осложнено действием враждебных сил – украинских националистов и сторонников Украинской православной церкви Киевского патриархата⁶⁸. Во время посещения Ровно Кирилл служил литургию в нижнем отделе храма, «захваченного» автономистами, что послужило поводом для проведения параллели с мученичеством первых христиан, которые обретались в катакомбах. Православные репортеры также отмечали, что националисты преследовали сторонников Кирилла «с ножами»⁶⁹. Таким образом, хотя украинская земля «святая», но она захвачена нечестивыми врагами, точно

⁶⁵ Eliade M. Sacred Places: Temple, Palace, Center of the World // Eliade. Patterns in Comparative Religion. N.Y., 1963; Geertz C. Centers, Kings and Charisma: Reflections on the Symbolics of Power // Local Knowledge: Further Essays in Interpretive Anthropology / Ed. C. Geertz. N.Y., 1983. P. 121-146; Shils E. Center and Periphery // idem. Center and Periphery: Essays in Macrosociology. Chicago, 1975.

⁶⁶ Эко У. В поисках сокровищ // Неприкосновенный запас. 2012. № 82(2). С. 153.

⁶⁷ Лотман Ю. Семиосфера. СПб., 2000.

⁶⁸ Кирилл. Святая Русь: Вместе или врозь? Патриарх на Украине. М., 2009. С. 7-8, 27, 116, 197-198.

⁶⁹ Кирилл. Проповеди. С. 137.

Ср.: Eade J., Sallnow M. Introduction // Contesting the Sacred: The Anthropology of Christian Pilgrimage / Ed. J. Eade, M. Sallnow. L., N.Y., 2000. P. 16-24.

так же, как паломник к Гробу Господню знал, что главная святыня христианства находится на земле врагов его веры.

Патриаршее посещение Киева в день памяти св. кн. Владимира 28 июля в последние годы стало ритуалом, а первый такой опыт был получен через несколько месяцев после интронизации, летом 2009 г. Первой дестинацией стало место крещения Руси, Киев, который Кирилл назвал «южной столицей святой Руси», «нашим Иерусалимом и Константинополем»⁷⁰. В представлении Кирилла, центр «святой Руси» – Киев, а центр Киева – Киево-Печерская лавра. Сакральность этого центра осмысливается в трех аспектах⁷¹; во-первых, это место особой исторической важности, откуда началось христианское просвещение восточнославянских племен; во-вторых, это колыбель, исток исторической общности «святой Руси», место, откуда «есть пошла земля русская»; в-третьих, это место сверхъестественного присутствия на земле, где сакральное и профанное соединяются в пещерах Киевско-Печерской лавры. Сакральность места обуславливает и тот факт, что Киев – это не просто «место памяти» для «святой Руси», но и место, где будет решаться ее судьба⁷².

30 июля Кирилл отправился в Святогорскую лавру в Донецкой области на востоке Украины. В своей проповеди он сопоставил историю этого монастыря с историей России в целом; закрытый в 1787 г. по решению Екатерины II, разграбленный в 1918 г. и переживший тяжелые бои и оккупацию во время Великой Отечественной войны, Святогорский монастырь возродился в 1992 г. как «духовная крепость» «святой Руси». Тем самым, в выступлениях патриарха история монастыря символически воспроизвела историософскую модель Кирилла, по которой «святая Русь» вступила в период упадка в «Петербургский период», окончившийся апостасией 1917 г., наказанием в виде войны с фашистской Германией, и последующим искуплением и возрождением в постсоветскую эпоху⁷³. На следующий день, в Горловке, центре тяжелой индустрии Донбасса, Кирилл назвал эту землю «святой»⁷⁴ и отбыл в Крым. В Симферополе он отозвался о «древней земле Таврии» как о месте, откуда началось распространяться христианство среди восточнославянских племен благодаря проповеди св. Кирилла и крещению св. кн. Владимира⁷⁵: это еще одна «колыбель» «святой Руси». Вскоре он поехал в Западную Украину, в Корецкий монастырь, Ровно, Владимир-Волынский и Почаевскую лавру. Здесь, в районах более враждебных к Московской патриархии, к риторике «святой земли» (Почаев) добавились «воинственные» нотки; так, Корец-

⁷⁰ Кирилл. Святая Русь. С. 67; Кирилл. Проповеди. С. 109, 207, 343.

⁷¹ Об этом см.: Jackson R., Henrie R. Perception of Sacred Space // Journal of Cultural Geography. 1983. Vol. 3. № 2. P. 94-107.

⁷² Кирилл. Святая Русь. С. 214.

⁷³ Он же. Проповеди. С. 57-58, 76, 112.

⁷⁴ Там же. С. 117.

⁷⁵ Там же. С. 121; он же. Святая Русь. С. 45, 140-141.

кий монастырь – это «твердыня православия», а Почаевская гора – «рубеж святой Руси»⁷⁶.

В геополитическом воображении РПЦ собственно Российская Федерация имеет более низкий статус. Если «земля Украины» часто называется «святой» в целом, без деления на регионы, то встретить упоминания о «святой земле Российской Федерации» немыслимо. В выступлениях Кирилла за 2009–2010 гг. только Москва и Валаам удостоились именованья «святой земли», в то время как большинство других мест патриарших посещений именовались более «слабыми» эпитетами: «древняя земля» (Коломна и Тверь)⁷⁷, «благословенная земля» (Курск)⁷⁸. Характерно, что значительное эмоциональное напряжение вызвало посещение Колымы («Русская Голгофа»)⁷⁹, Новгорода Великого («культурный центр [средневековой] Европы»)⁸⁰ и Карелии (земля, отмеченная «знаками Божественного присутствия»)⁸¹.

Таким образом, в воображении Кирилла «святая Русь» предстает как пространство, где центры расположены на южной, западной, северо-западной и восточной географической периферии «исторической Руси»: Киев, Крым, Святогорск, Почаев, Новгород Великий, Карелия, Колыма. Так, обращаясь к жителям Камчатки, Кирилл отметил, что они живут не на периферии, а «в начале России»⁸². Подобное представление о пространстве представляет собой характерный сдвиг с иерархического имперского пространства советского типа в сторону воображения «постмодернистского» пространства, организованного как децентрализованная сеть «святых мест», покрывающая территорию нескольких государств и объединенная общей «базовой культурой».

«Святая Русь»: территория «православной революции»

В современных церковных дискурсах Москва – это передовой город «святой Руси». Подобно тому, как в сталинской России архитектура играла главную роль в «производстве пространства»⁸³, недавно запущенный проект строительства 200 (в более отдаленном будущем – 600) «модульных храмов шаговой доступности» в Москве отражает процессы символического овладения пространством столицы РПЦ. Христианская Церковь как мистическое сообщество существует прежде

⁷⁶ Кирилл. Проповеди. С. 143-138, 147; он же. Святая Русь. С. 167.

⁷⁷ Он же. Проповеди. С. 179, 482.

⁷⁸ Там же. С. 197.

⁷⁹ Он же. Мы не должны забыть страшный урок прошлого. 1 сентября 2011 // <http://www.patriarchia.ru/db/text/1610887.html>.

⁸⁰ Он же. Проповеди. С. 188.

⁸¹ Там же. С. 454.

⁸² Он же. На восточных рубежах России // ЖМП. 2010. № 11. С. 25.

⁸³ Ср.: The Landscape of Stalinism: The Art and Ideology of Soviet Space / Ed. E. Dobrenko, E. Naiman. Seattle, 2003.

всего в физическом пространстве церквей; «что останется от Церкви, если не будет церквей?» – спрашивал Анри Лефевр⁸⁴. В тон ему Кирилл подчеркивает, что церковь – это концентрация веры народа в пространстве. Пространственной проекцией апостасии 1917 г. было уничтожение храмов, осквернение реликвий, спиливание крестов. Символом «бogoоставленности» русского народа стал уход иконы Тихвинской Божьей Матери из пределов России в 1941 г. Напротив, в наши дни, когда идет возрождение православной религии, возрожденная святыня становится «местом духовного возрождения народа»⁸⁵. Восстановление кафедрального собора РПЦ, храма Христа Спасителя в Москве, на месте непостроенного символа торжества социализма – Дворца Советов, символизирует возрождение «святой Руси» в целом⁸⁶.

План строительства церквей в Москве и по всей России повторяет логику «внутренней колонизации»⁸⁷, которая в православной риторике получила название «воцерковление». «Модульный храм» – это сооружение из готовых блоков, которое собирается «на голом месте», без фундамента, за несколько дней. Задача этого «конструктора» – втиснуться в плотную застройку современного города и «воцерковить» местное население так, что «если со временем верующие решат возвести каменную церковь, то этот храм можно будет переместить в другое место, и тогда в районе будет уже два храма»⁸⁸. Церковь находится в центре прихода, а «приход должен стать центром христианской социальной активности в данной местности». Кроме церкви в приходе должен быть «социальный центр» с залом для собраний, кухней, аудиториями для занятий и библиотекой⁸⁹. Подчеркивая пространственный смысл прихода как места, куда «приходят», Кирилл настаивает на том, чтобы, как в древней Руси, «храм был рядом с домом»⁹⁰. Тогда вместо молла, пространственного центра общества потребления, церковь станет «самым главным местом на земле»⁹¹.

Кирилл отмечает, что РПЦ должна переосмыслить свою миссионерскую работу таким образом, чтобы, в отличие от прошлых веков, развитие шло не «вширь», а «вглубь», т.е. речь идет не об экспансии канонической территории, а о «воцерковлении» тех, кто уже сейчас связывает свою идентичность с православием. Хо-

⁸⁴ Lefebvre. The Production of Space. P. 44.

⁸⁵ Кирилл. Проповеди. С. 69, 76, 80.

⁸⁶ Об этом: Sidorov D. National Monumentalization and the Politics of Scale: The Resurrection of the Cathedral of Christ the Savior in Moscow // Annals of the Association of American Geographers. 2000. Vol. 90. № 3. P. 548-572.

⁸⁷ Применительно к России, концепция «внутренней колонизации» развивается в работах Александра Эткинда. См., напр.: Эткинд А. Бремя бритого человека, или внутренняя колонизация России // Ab Imperio. 2002. № 1. С. 265-298; Etkind. Internal Colonization.

⁸⁸ Современные тенденции в строительстве приходских храмов. 22 марта 2010 // <http://www.patriarchia.ru/db/text/1120703.html>.

⁸⁹ Кирилл. Патриарх и молодежь. С. 160.

⁹⁰ Он же. Слова. С. 78-79.

⁹¹ Там же. С. 79.

тя Кирилл торжествующе заявляет, что «мы становимся церковным народом»⁹², религиозные интеллектуалы не могут не учитывать, что из тех 75-85% населения России, которые по разным социологическим исследованиям считают себя «православными», только несколько процентов регулярно посещают церковь. Задача «воцерковить» россиян возлагается на приходские организации. Перебрасывая мостик к церковным интеллектуалам славянофильской традиции рубежа XIX – XX вв., Кирилл и его сподвижники разрабатывают план развития приходского самоуправления, поскольку «приход – это самое дорогое сокровище, которое есть у Церкви», место, где мирские интересы соприкасаются с идеалами христианства и пропитываются их духом⁹³. Всеволод Чаплин, который обыкновенно озвучивает идеи Кирилла в их наиболее радикальной, неприглаженной форме, упомянул о необходимости «православной революции» в том смысле, что задачи современной РПЦ существенно те же, что и большевиков 1917 г. – «переформатировать» общество⁹⁴. Если продолжить эту параллель, то инструментом революции должна стать сеть приходов под руководством Московского патриархата подобно тому, как марксисты-революционеры представляли себе возможность переустройства общества при помощи системы советов и под руководством централизованной партии.

Заключение

Воображаемая «святая Русь» представляет собой децентрализованную, сетевую модель транснационального общества, которое выходит за пределы «нации-государства» и предлагает новые способы осмысления идентичности на постсоветском пространстве. С известной долей легкомыслия, отталкиваясь от понятия «гетеротопия» М. Фуко, геополитический проект Кирилла можно было бы назвать «гомотопией» – утопическим пространством единства, замаскированного кажущейся гетерогенностью. Внутренний мотив, стоящий за воображением «святой Руси», заключается в желании обнаружить сущностное единство, и, как следствие, найти возможность интеграции в пространстве, которое обыкновенно осмыслялось как пространство различий, как на территории бывшего Советского Союза, так и в Европе в целом. Подобное радикальное уничтожение колониальной дистанции и разрешение славянофильских дилемм возможно благодаря интерпретации «святой Руси» как центра и фундамента «христианской цивилизации», то есть через обращение к мессианству и фундаментализму. Гомотопия «святой Руси» сильна своим критическим потенциалом, способностью видеть

⁹² Кирилл. Интервью телеканалу «Россия 23». 5 апреля 2010 // <http://www.patriarchia.ru/db/text/1131490.html>.

⁹³ Кирилл. Патриарх и молодежь. С. 159-161; Кирилл. Слова. С. 78-79.

⁹⁴ Чаплин В. У России есть 50 лет, чтобы предотвратить свою гибель. 3 октября 2011 // <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=42465>.

альтернативы глобальному «обществу спектакля» и предлагать революционные решения по его преобразованию. Вместе с тем, тот фундаменталистский багаж⁹⁵, который «святая Русь» содержит в себе, и который включает абсолютизм религиозного откровения и отказ от диалога с секулярным миром на почве рационального обсуждения, делает ее слишком опасной игрушкой для идеологических игр.

⁹⁵ О сходствах утопизма и религиозного фундаментализма см.: Sargisson L. Religious Fundamentalism and Utopianism in the 21st Century // Journal of Political Ideologies. 2007. Vol. 12. № 3. P. 269-287.